

СПАСИБО, ВОЛШЕБНИК!

СОФИЯ ЛОРЕН РАССКАЗЫВАЕТ
О ЧАРЛИЧАПЛИНЕ

ЦИТАДЕЛЬ Чарли Чаплина среди драматических театров Пайнвуда обозначена буквой «Ф» и защищена многочисленными плакатами, на которых огромными буквами написано: «Вход воспрещен». София Лорен ждала меня в великолепном зале, обставленном в духе роскошных гостиниц Гонконга, предназначенных для европейцев. Она сидела в углу, за сценой, и наблюдала за Чарли Чаплиным, который в ярком кругу слепящих юпитеров готовил очередную сцену с Марлоном Брандо и сыном Сиднеем.

«Посмотрите на него внимательно. — сказала она, указывая на Чаплина, — и вы сразу поймете, что это необыкновенный человек. Такой великий актер, как он, может выступать в любой роли. Конечно, он не требует, чтобы ему подражали по-школьному: он подсказывает только главное. В «Графине Гонконга» он оставил за собой малюсенькую роль, возможно, из одного лишь желания увидеть лишний раз свою фамилию. Думаю, что руководить съемкой фильма так, как это делает он, доставляет ему не меньше радости, чем если бы он играл главную роль. Посмотрите сами...»

Чаплин быстро передвигается по сцене. Показывает Брандо жесты, походку, улыбки его персонажа, подсказывает различные реплики.

«Он обожает играть, — вполголоса говорит София, — и вместе с тем обладает выдающимся режиссерским талантом. Каждой мелочи он уделяет огромное внимание. И эта придирчивость освобождает нас от всех забот. Знаете, я впервые чувствую себя полностью уверенной в своей работе. Вечерами я возвращаюсь домой без всяких сомнений и страхов. Кроме всего прочего, Чаплин мгновенно замечает, когда актер устал, рассеян или играет, положась только на свое профессиональное чутье. В этом случае он предупреждает актера об опасности, предостерегает его, но делает это всегда очень тактично. Про меня он сказал, что я — как музыкальный инструмент, который на малейшее прикосновение отзывается неповторимым звучанием. И я была очень польщена таким комплиментом, ибо Чаплин сам — утонченный музыкант, и его необыкновенное чувство времени, ритма, гармонии помогает ему, помогает всем нам. У него мы учимся правильному тону реплики, длине пауз, размеренности движений. Когда он излагает нам свои идеи (всегда предельно ясные), то употребляет точные, понятные слова и выражения. Вот почему я чувствую уверенно, когда за кинокамерой стоит он; для моего латинского темперамента такая уверенность очень важна».

Чаплин неподвижно сидит на своем полотняном стуле. Правой рукой осторожно поглаживает кисть левой. Следит за действием, слегка кивая головой, как бы отсчитывая время, улыбается, когда должен улыбаться Брандо, и шепчет слова, которые собирается произнести Сидней. Брандо ошибается в одной фразе. Извиняется. Чаплин встает, идет ему навстречу и говорит: «Хорошо, очень хорошо. Начнем сначала».

София с сочувствующим видом неуловимо улыбается своему партнеру; похоже, что и на ее долю выпадали подобные инциденты. «Чаплин заставит повторить эту сцену до тех пор, пока не будет удовлетворен полностью, — говорит она, — но это не значит, что он режиссер-деспот. Чаплин всегда прислушивается к нашему мнению и может заставить снять одну и ту же сцену два раза: один раз — как это хотим мы и другой — как видит ее он. Потом выбирается более удачная. Должна сказать, что до сих пор он всегда оказывался прав».

Спрашиваю у Софии Лорен, остался ли Чаплин и в этом фильме верен своему методу: заставлять актеров перемещаться перед неподвижной кинокамерой.

«Да, — подтверждает Лорен, — он, действительно, очень мало передвигает камеру. И потом, в отличие от многих других, более «современных» режиссеров, Чаплин следует программе работы в строго хронологической последовательности по сценарию, без всяких скачков. Таким образом, процесс работы становится более логичным, события развиваются гармонично».

Марлон Брандо покидает сцену и скрывается в своей комнатке. Я спрашиваю, какого она мнения о своем американском товарище по работе.

«О Марлоне Брандо столько уже писали! — отвечает она. — На мой взгляд, он замечательный парень: внимательный, дисциплинированный, старательный. И очень симпатичный. Сидней Чаплин мне кажется более скрытным и, как бы это сказать, раздражительным, что ли... Но думаю, что и я чувствовала бы себя так же, если бы снималась под руководством отца, которого зовут Чарли Чаплин».

Спрашиваю у Лорен, очень ли утомляют ее съемки в «Графине Гонконга». Она едва заметно улыбается. «Работать мы начинаем ровно в 8.30 и заканчиваем около шести вечера. Перед отъездом со студии я иду в проекционный зал просмотреть отснятый материал. Хожу я туда всегда одна: мне кажется, что присутствие посторонних может повлиять на мое мнение».

Подошло время обеда. Как по мановению волшебной палочки, остановилась работа. София встает и крепко пожимает мне руку. Отвечает на приветствие проходящего мимо электрика и направляется в свою комнату, которая находится рядом с комнатой Чарли Чаплина. В окошке, едва прикрытом цветастой шторой, виден склонившийся над столом «чародей»...

Альдо ЧЕНТИС.

(Из журнала «Эпока»).

Коллекция «Эпока» 1986, 19 авг.